

И. С. ГАГАРИН

<Письмо 4-е Ю. Ф. Самарину>

Москва. 24 августа / 5 сентября 1842 года

Мой друг, я на время оставляю начатый труд, откладываю в сторону книгу г. М. и отвечаю на твое письмо. Почитаю необходимым войти в некоторые подробности, чтобы впоследствии не было между нами недоразумений и чтобы яснее выразить то, что, вероятно, осталось темным в моих письмах, потому что ты меня не совершенно понял.

Я никак не предполагаю в тебе безусловного верования в разбираемую книгу; я знаю, что Восточная Церковь не отвечает за нее; но я прошу тебя не терять из виду, по какому поводу я принялся писать на нее опровержение. В сей книге автор рассматривает отношение Церкви к Римскому Епископу от времен апостольских и домогается доказать, что осталась верному преданию церковному не та Церковь, которая признает Римского Епископа своею главою, но та, которая отвергает его власть. — Не нашедши в *Правде* ни одного доказательства против власти Римского Епископа, так как Католическая Церковь признает оную, я взялся разобрать все доказательства, на которые мнит опираться г. М., и показать их ничтожность. Тебя я призываю быть судьей и решить, удалось ли мне убедить тебя, или доказательства г. М. остались ли невредимыми в твоих глазах. Следовательно, ты судить будешь единственно мои письма и книгу г. М., и ты всегда остаешься вольным возобновить вопрос под другим видом.

Что же касается до властолюбия Пап, я очень знаю, что кто не признает, что власть преемников св. Петра установлена Богом, тот должен почитать оную изобретением человеческим и что человеческое не носит на себе клеймо греха и страстей. Но в том-то и вопрос: изобретение ли оно человеческое или нет. Мое замечание не падает на то, что упрек несправедлив с точки зрения автора, но на то, что он ничего не доказывает и что даже смотрел на сию власть как на изобретение человеческое, обвинение в властолюбии не изъясняет, почему сия

власть была и есть признана Церковью Католическою и народами к ней принадлежащими. Впрочем, мне кажется, что в этом отношении ты со мной согласен; но здесь ты отделяешься от нашего автора и предлагаешь свое личное толкование, которое я никак не могу пропустить без примечаний.

Ты извиняешь властолюбие лиц, но указываешь на какое-то другое властолюбие, о котором ты говоришь, что оно «как одно из проявлений формализма, в другой сфере искажившего христианство как учение в догматах, вошло в склад Западной жизни и вошло “навсегда”».

Нет, как скоро в твоих глазах власть Римских Епископов основана единственно на человеческих началах, ты не можешь извинять людей, служивших ей орудием! Нет, смело скажу, грех на народах Запада, грех на их учителях, грех на волках в одежде пастырей, если они сотворили себе кумир от своей мысли человеческой и дерзнули поставить ее выше слова Божия! Когда настанет страшный день Суда, исчезнут суетные мудрования людские; но останутся дела и горе тем, у которых спросит Христос, куда они дели вверенное им стадо!

Как! более семи веков народы Запада блуждают вне путей истины, не довольные занимать населеннейшие страны Европы, они переплыли моря, на берегах Океана, на островах Тихого Моря, кругом целого земного шара, они распространили с своими мыслями, с своими нравами свое *искаженное* христианство, и нет греха на виновников погибших толикого множества душ!

Ты говоришь, что виновники — не люди; что в памяти народов Запада сохранилось какое-то темное воспоминание о Римской державе, что над ними несется сия огромная тень, закрывающая от них врата Рая!

Но ты забываешь, что Бог сошел с небес на землю, облекся в нашу плоть и на кресте, Своею кровию, искупил род человеческий; ты забываешь, что Он всех грешников зовет на покаяние и всем предлагает прощение; ты забываешь, что роковая необходимость не тяготеет ни над каким из слов Адама; ты забываешь, что Бог правосуден и человек свободен!

Но посмотрим, на чем же ты основываешь такое не христианское учение? Ты говоришь утвердительно, что «в основание католицизма легла та мысль, что единство веры необходимо влечет за собою единство политическое, или, лучше сказать, что Церковь должна явиться Государством».

Действительно, сия мысль являлась в мире и глубокий след ее видим донныне! Но не на Западе она показалась; на Востоке, в странах аравийских, Магомет положил ее основанием своей державы и преемники его, калифы, наследовали равно власть мирскую и власть

духовную. Никто так совершенно, как Магомет, не осуществил мысли тождества Церкви и государства, но и на Западе Европы были явления такого же рода, хотя с значительными изменениями. Сладострастный и кровожадный Генрих VIII объявил себя главою Английской Церкви и духовный скипетр его, после распутной Елисаветы и сумасшедшего Георгия III, перешел в наше время, в руки молодой королевы Виктории. Достаточно сих примеров, не станем искать других.

Но есть ли что-нибудь подобное в мире католическом? Папа есть ли мирской властелин католических народов? Он ли пишет законы, заключает договоры, объявляет войну? Мысль государства и Церкви слита ли в одно? В продолжении полувека государства, с законами, с постановлениями, с царскими домами, рушились друг за другом. Рушилась ли за ними Церковь? И если Церковь осталась неподвижна, можно ли сказать что государства повинуются одному с ней закону? Ты мне укажешь на Средние века? Что же я вижу? Борьбу вековую между властью духовною и властью светскою; следовательно, они обе существовали, если они боролись одна с другою. И которая победила? Которая уничтожила соперницу? Не надобно ли переделать всю историю, чтобы в мире католическом Церковь была государством?

Впрочем, здесь не дело о сношениях власти духовной с властью светскою, но единственно о догмате Католической Церкви, обязывающем признавать в Епископе Римском не всемирного Государя, а наместника Христова и видимую главу Церкви и я утверждаю, что сей догмат не есть изобретение человеческое, следовательно, не плод властолюбия. Вот что разбор *Правды* должен доказать и, надеюсь, докажет. Ныне же я полагаю, что убедил тебя в том, что обвинение во властолюбии не изъясняет, почему Папы были признаны главою Церкви.

Перейдем к другому вопросу: справедливо ли обвинять Католическую Церковь в равнодушии к догматам ей самую проповедуемым, потому что она позволила униатам читать Символ веры с упущением слова *filioque*? Ибо я должен тебе напомнить, что единственно в сем отношении я говорил о догмате исхождения Св. Духа, никак не думал входить в сущность предмета. Мне кажется, что ты меня не понял; постараюсь быть яснее.

Готов ли ты согласиться, что Восточная Церковь искони признавала в Епископе Римском главу Церкви и что она отвергла его власть тогда только, когда произошли несогласия в других предметах веры? — Нет, ты на это согласиться не можешь, потому что вся книга г. М. написана в опровержение сего предложения. Но если ты на это не согласен, ты должен согласиться на то, что если бы и во всех прочих предметах не было бы никакого разногласия между Восточною и Западною Церковью, кроме догмата о Папе, вся Восточная не признавала бы

Епископа Римского главою Церкви и, следовательно, не было бы между ними единства. Признать Папу главою Церкви значит признать истинною ту Церковь, которой он глава, следовательно, признать все ее догматы. Из сего очевидно следует, что тот, кто признает Папу главою Церкви, тот тем самым находится в Церкви Католической; а кто его отвергает, тот вне Церкви Католической. А вне Церкви нет спасения; следовательно, христианская любовь к ближнему и желание его спасения достаточно изъясняют, почему Церковь прежде всего требует признания Папы главою Церкви.

Поэтому я не могу понять, как ты говоришь, что сей вопрос не существенный. Признать догмат Католической Церкви, обязующий признавать Папу главою Церкви, следовательно, признавать, что кто не в общении с Папою, тот вне Церкви, и отделиться от сей главы, то есть, по собственному признанию, выйти из Церкви, по случаю какого-нибудь другого догмата, есть явное противоречие!

Сверх того, принятие униатов в Католическую Церковь было основано на Флорентийском соборе; следовательно, униаты, признавали Флорентийский собор, на котором все причины разделения были упомянуты и объяснены и в особенности исхождение Духа Святого от Сына ясно признано. Кажется, это достаточно доказывает, что нет различия в догматах между униатами и католиками латинского обряда. Но ты скажешь мне, почему же не требовала Католическая Церковь, чтобы униаты произносили слова *filioque*? Ты утверждаешь, что слова «от отца исходяща», по общему смыслу сего члена Символа, равносильны словам «от Отца, но не от Сына исходяща». Я убежден в противном. Но положим на минуту, что ты прав; все должен ты согласиться, что Церковь Католическая иначе понимает сей член Символа, нежели ты, поелику она сама его долго читала без слов *filioque*, ныне читает с сими словами, и убежден, что не изменила его смысла. Следовательно, по крайней мере в глазах католиков, сие различие в словах не влечет за собою необходимо различие в вере.

Не забывай, что я здесь никак не имею намерения рассматривать, исходит ли Дух Святой от Сына или нет; положим, что не исходит, положим, что догмат, утверждаемый словами *filioque* — ложен; но и в таком случае можно будет укорять Церковь Католическую в ложном учении, но не в равнодушии к догмату. Вот вопрос, и он мне кажется решен в пользу Католической Церкви.

Но войдем еще в некоторые подробности. Признаешь ли ты Папе право прибавить к Символу, определенному Собором Вселенским, какое-нибудь слово, даже справедливое и согласное с признанным догматом? — Нет, следовательно, оттого, что ты отвергаешь слова *filioque*, нельзя доказать, что ты отвергаешь догмат о исхождении

Св. Духа и от Сына. Но ты мне скажешь, могут быть другие доказательства. Без сомнения, могут быть; но их нет, нет в Восточной Церкви догмата, обязывающего каждого верить, что Дух Святой не исходит от Сына; Восточная Церковь никого не может уличить в ереси, потому что она не отрицает исхождения Св. Духа от Сына. Следовательно, и в Католической Церкви униат, признавший Папу Главою единой, святой и апостольской Церкви, признавший Собор Флорентийский, не отрицает исхождения Св. Духа от Сына, потому что он читает символ веры без *filioque*. Какое же тут равнодушие к догматам, когда они в самом строгом смысле одни и те же.

После сих объяснений перечти мое первое письмо, и я думаю, что ты убедишься, что я никак не оспариваю у Восточной Церкви, с ее точки зрения, право отвергать прибавление слова *filioque*; напротив, я твердо убежден в том, что, с точки зрения Восточной Церкви, сие отвержение необходимо связано с отвержением власти Папы и что, в тесном смысле, сии два вопроса — один и тот же. Но я утверждаю то, что в Восточной Церкви нет догмата, обязывающего отрицать исхождение Св. Духа от Сына.

Ты говоришь, что «католики должны доказать из Писания, Предания и св. отцов, что действительно Дух Святой исходит от Сына». — Я спрашиваю: кому католики, или, точнее сказать, Католическая Церковь, должна доказать, что Дух Святой исходит от Сына? Вероятно тем, которые не принимают сего догмата; но мы видели, что униаты его принимают. Следовательно, здесь дело идет не о них, а тех, которые вне Церкви Католической. Я борюсь с сильным искушением войти вслед за тобою в сущность вопроса о исхождении Св. Духа, но боюсь выйти из пределов моего предмета; сделаю одно примечание, которое строго в них заключается. Когда Церковь собралась в Никее, в Ефесе или Халкидоне, рассматривала новые учения и произносила на них решения, конечно, ее приговоры были согласны с вдохновенными книгами Св. Писания, с преданием Церковным и с свидетельствами св. отцов; но сие согласие не подлежало суду частного рассудка. Сии приговоры не тем обязывали умы и совести, что они в глазах частных лиц были согласны с Писанием и Преданием, но тем, что Церковь имела право утверждать сие согласие. Вне Церкви сие право не существует. Так и ныне ты можешь сличать тексты и выводить из них заключения, но ты не можешь утверждать, что ты не ошибаешься. Церковь одна может иметь в себе такую уверенность, основанную на обетованиях Христовых. Следовательно, всегда между христианами, можно привести все вопросы к основному, единственному вопросу: где Церковь? А между Восточною и Западною Церковью сей вопрос может выразиться

следующими словами: Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь та ли, которая признает Папу своею главою, или та, которая его отвергает?

Что же касается до Македония и до Константинопольского собора, опровержение исторических и логических твоих выводов совершенно бы увлекло лишь вне границ нашего предмета; следовательно, на сей раз молчу. Но должен привести одно очень остроумное твое примечание. Ты спрашиваешь, «каким образом могла быть первая половина ответа на вопрос об исхождении Св. Духа (иже от Отца исходяща) обязательным для всех членов Церкви догматом, а другая половина — и Сына свободным мнением? Уже ли первое важнее второго? Если так и иначе быть не может, то как Св. Дух один, так как акт исхождения один, неравенство в степени важности не будет ли относиться к лицам, от которых Св. Дух исходит? Обвинение в арианстве падет на всю Церковь!..».

Нельзя лучше, совершенно справедливо! А именно потому Католическая Церковь равно обязует признавать догматом исхождение Св. Духа от Отца и от Сына! На которую из Церквей падает обвинение в арианстве? Предоставляю ответ твоим размышлениям.

Спешу перейти к другому твоему рассуждению, в котором ты, по моему, почти удовлетворительным образом объясняешь, как Церковь, совокупленная на Соборе Вселенском, рассматривая мнение, явившееся в ее недрах, осуждает оное как еретическое или («не возводит на степень догмата», как ты выразился, но) признает за догмат и таким образом всех ее членов обязывает признавать также за догмат под опасением отлучения и анафемы. Я очень понимаю, вследствие сего толкования, что Восточная Церковь не имела нужды собираться, чтобы произносить приговор над Лютером или Кальвином, потому что сии ересиархи не вышли из ее недр. Но я никак не могу понять, каким образом в сем случае католики могут стать на одной степени с последователями Лютера и Кальвина. Они вне Восточной Церкви; согласен; но было время, когда Восток и Запад совокуплялись в одну Церковь Вселенскую и единодушным голосом проклинали ереси Ария, Македония, Нестория и других; ныне они разделены, двух Церквей быть не может, следовательно, или Восток, или Запад вышел из Церкви Вселенской, единой Святой, единой Кафолической, единой Апостольской. Если Восточная Церковь есть сия единая, Святая, Вселенская и Апостольская Церковь — католики вышли из ее недр. Следовательно, по собственному твоему признанию, Церковь должна была произнести на них приговор. Но ты говоришь, что они сами себя осудили, и сими словами невольным образом высказываешь свое убеждение, что если они не правы, они кем-ни-

будь должны быть осуждены. Но что значит осуждать себя самого? Разве исповедовать учение, противное учению Церкви? Но таким образом Арий, Македоний, Несторий, все еретики сами себя осуждали, однако Церковь не менее того почитала нужным произносить над ними свой приговор. Нет, Церковь Католическая не осуждала Церкви Католической, но осуждала Фотия, Михаила Керулария и их приверженцев. Раскрой скрижали истории Восточной Церкви, ты не найдешь приговора, произнесенного над Церковью Католическою Собором Вселенским. Ты упоминаешь о частных соборах, о символических книгах, о формуле, по которой определено принимать католиков в Восточную Церковь (и по которой в наше время принимали униатов?), о единодушном предании; но спрашиваю тебя, имеет ли все сие силу осуждения на Католическую Церковь? Иными словами, есть ли в Восточной Церкви какая-нибудь власть, кроме Вселенского собора, имеющая право произносить приговоры именем целой Церкви, и приговор такого рода был ли произнесен над католиками, — вот вопрос, на который ты мне еще не дал ответа.

В другом месте ты признаешь, что непогрешимость постоянно существует в Церкви «как возможность ей проявиться», а католики, по твоим словам, признают «постоянно присущим в Церкви самый орган проявления этой способности». Иными словами, «Церковь не всегда является совокупленною в Соборе Вселенском; Папа всегда восседает на кафедре св. Петра».

Что непогрешимость в предметах веры — неотъемлемая и вечная способность Церкви, что никогда, ни в каком случае она не может произнести в предмете веры ложного изречения, об этом нет спора и это совершенно согласно с догматом католическим. Но каким образом сия возможность проявляться переходит из возможности в действительность? По правилам Восточной Церкви — единственно совокуплением в Вселенский собор. Иными словами, Вселенский собор — единственный законный представитель Вселенской Церкви, не всегда действительно совокуплен в одном месте, но всегда совокуплен быть может.

По правилам Католической Церкви, сия самая возможность проявляться переходит из возможности в действительность двояким образом. Во-первых, посредством Вселенского собора; во-вторых, без вещественного совокупления Собора в одном месте, когда все епископы, следовательно, вся Церковь, положительным или безмолвным согласием, принимает решение в предметах веры, торжественно произнесенное Папою. Папа говорит от имени Церкви, и его устами говорит вся Церковь. Конечно, сие предполагает в Епископе Римском особенные преимущества против прочих епископов; но Епископ

Римский — преемник св. Петра, восседает на его кафедре и, как мы увидим в следующих письмах, Господь во время присутствия Своего на земле сделал обетования и дал преимущества апостолу Петру, которым прочие апостолы не были в равной степени соучастниками. Нет в Католической Церкви догмата, положительно обязующего признавать Епископа Римского непогрешимым, но Епископ Римский есть единственный епископ, который по преимуществу своей кафедры не может быть вне Церкви; следовательно, все епископы, которые в общении с ним суть в Церкви и составляют Церковь. Следовательно, нельзя сказать, что «непогрешимость *символизирована* в лице Папы», нельзя также сказать, что «откровение Духа Святого в Церкви признается за факт совершившийся», Св. Дух сошел на Церковь в десятый день после Вознесения Господа нашего Иисуса Христа и в пятидесятый после Его воскресения, и с того дня он Церкви не оставлял и не оставит до скончания веков. В декретах и буллах нет «случайного проявления откровения, условленного внешними обстоятельствами». Когда декреты и буллы определяют что-нибудь в предметах веры — есть согласие Церкви, с которой Св. Дух пребывает во веки. Внешние обстоятельства могут иметь некоторое влияние на время и форму изречения, но на истину и сущность оно решительно никакого. Из предыдущего ты выводил, что Церковь неподвижна и прибавляешь, что «наоборот, вселенский характер предполагает откровение постоянно совершающееся, развитие». Сии выражения требуют очень точного объяснения; я коснулся сего предмета довольно обстоятельно в одном из моих писем. Буду ждать, чтобы ты мне сказал, в чем ты не согласен со мною.

Но не могу отложить до другого дня мысли, которые толпятся в моей голове, читая ответ твой на вопрос, сделанный мною: по каким признакам узнается Вселенский собор? Ты отвечаешь, что «ни один Собор не прослышет в Церкви Вселенским, который не заслуживает этого имени; что признавая единственно Вселенским Собор, признанный таковым Папою, католики только перенесли вопрос на Папу; что ты вправе спросить также: по каким признакам узнается Папа, что, впрочем, до сих пор не было спора о Вселенском соборе, а Пап самозванцев являлось по многу и не раз». Я готов принять сие мнение, но я боюсь, что ты сам от него отступишься. Затруднение узнать Папу по несомненным признакам меня не ужасает; что за нужда, что в продолжении осьмнадцати столетий было несколько людей, которые домогались сесть на кафедру св. Петра, не имея на нее права. Были собрания, которые старались выдать себя за Вселенские соборы, не имея на то права. Дело в том, что в бесчисленном множестве христианских обществ нет ни одного, кроме Церкви Католической,

которое бы утверждало, что оно имеет в своей кафедре видимую главу Вселенской Церкви, и которое бы показывало на непрерывный ряд Первосвятителей, восходящих до апостола Петра. Следовательно, ошибиться невозможно; как скоро ты признаешь видимую главу Церкви и в преемниках св. Петра видишь наместника Христова на земле, ты — католик и кроме Церкви Католической не можешь попасть ни в какую другую Церковь.

Но я готов оставить Пап в стороне и искать Церкви себе без них, единственно по Вселенским соборам. Я готов согласиться, что не было споров о Вселенских соборах и считать Вселенскими все Соборы, которые слывут таковыми. Что же выходит? — Нет ни одного Собора, признанного Вселенским, который был бы вне Католической Церкви. Церковь Католическая основывается на 16 Соборах, из которых каждый признавал Вселенскими все предыдущие и каждый был признан Вселенским всеми последующими. Я твердо знаю, что ни в какой Церкви, кроме Католической, ты не найдешь такого вселенского согласия всех стран и всех времен.

Но ты меня останавливаешь и говоришь, что в Церкви признали Вселенскими только семь первых соборов. — В какой Церкви? В Восточной? — Но тут новое затруднение: Церковь я узнаю единственно посредством Собора, а Собор посредством Церкви! Как выйти из этого круга?

Для католика нет спора о Вселенских соборах. Они все принадлежат Церкви Католической; никакая Церковь не указывает на Вселенский собор, который был бы вне Католической Церкви. Но для тебя — не то; и ты не можешь сказать, что о Соборах нет спора, когда ты не принимаешь Соборов, признанных Церковью Католическою. Нет, ты утверждаешь без доказательства, что Вселенские те Соборы, которые Церковь Восточная признает Вселенскими. Оно бы хорошо, если бы не необходимо было знать, *что* Вселенский собор, чтобы знать, где Восточная Церковь. Из этого выходит, что ты не ответил на мой вопрос, и я опять спрашиваю: по каким признакам узнается Вселенский собор?

В другом месте я сказал, что Восточная Церковь, со времени последнего признанного ею Вселенского собора, не вмещает в себе живой власти. Ты спрашиваешь, что это значит? То ли, что Церковь не может созвать Вселенского собора? — Нет, не то; но я тебе скажу, *что* это значит.

Это значит, что по собственному признанию Восточной Церкви Церковь истинная есть Церковь апостолов, Церковь семи первых Вселенских соборов и вне ее нет спасения. Согласен, но принадлежишь ли *ты* к сей единой, святой Церкви? Вот вопрос, на который я требую решения. Епископ Римский лишь говорит, что он принад-

лежит сей Церкви, что он ей принадлежал, что он от нее никогда отлучен не был никакою властью церковною; что он вне Церкви быть не может и что кто с ним в общении, тот в Церкви апостолов, тот в Церкви Вселенских соборов. Положим, что он этого не доказывает, но по крайней мере он это утверждает, и донныне никакою законною властью он отречен не был.

Я обращаюсь к митрополиту Московскому и спрашиваю у него, утверждает ли он, что он вне Церкви быть не может и что кто с ним в общении, тот уверен быть в Церкви. Он мне отвечает, что такое преимущество не дано ни митрополиту Московскому, ни патриарху Константинопольскому, ни даже Синоду Всероссийскому, хотя он основан не святым Петром, рыбаком Галилейским, но Петром Великим, Самодержцем Всероссийским. Но что же доказывает мне, что он принадлежит к Церкви? Он указывает на Св. Писание, на предание Писаное! Но еретики не делали ли то же самое? — Вы говорите, что Церковь непогрешима! Я знаю, что Церковь не блуждала в Никеи и в Ефесе, но дело в том, — не блуждаете ли вы в Москве, Твери и Петербурге! Покажите мне нить, которую вы восходите до Вселенских соборов. Докажите, что она нигде не прервалась. Я вижу ряд епископов, но они все, по собственному признанию, могли блуждать. Вы указываете на Церковь истинную; согласен; но докажите, что вы к ней принадлежите. Вот что вам невозможно в отсутствии Вселенского собора. В отсутствии Вселенского собора вы не можете ни отлучить Папу от Церкви, ни только доказать, но сказать утвердительно, что вы принадлежите к Церкви.

Итак, вы не решаете моих сомнений; буду ждать Собора Вселенского, который один ошибиться не может. Но что же? Вот более тысячи лет как Церковь безмолвствует. Ты говоришь, что я не имею права требовать от Церкви отчета. Благоговею перед десятивековым безмолвием Церкви, верю, что ему последует живое слово; но верю также, что до сего времени я могу умереть, и неужели я умру в ужасном сомнении — принадлежу ли я к Церкви Божией или нет? Отвечай сам, могли ли оставаться в Церкви, которая не дает мне ответа на такой вопрос?

Вот что значит отсутствие живой власти! Ты волен повторять, сколько тебе угодно, что безмолвие ничего не значит. Но когда ты спрашиваешь у меня: «Когда Церковь сложила с себя свою власть, свои права, отрицала себя?» — я отвечаю: с тех пор, как она не вмещает в себе живой власти, и после моих объяснений ты должен понимать, что это значит!

